

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРАЛЬНОМ СЕЗОНЕ

МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, что главный режиссер ТЮЗа Александр Николаевич Геренбург стал уже болезненно относиться к упоминанию об успехе его спектакля «Они и мы». Должно быть, это действительно не очень приятно, когда тебе постоянно твердят о постановке двухлетней давности, сравнивают с ней чуть ли не каждую новую работу. Но здесь в общем-то нет ничего удивительного.

Трудно назвать другой тюзовский спектакль, который бы стал в городе событием, о котором бы говорили в классах и на комсомольских собраниях, на который бы ходили по два-три раза, стараясь найти ответ на какие-то свои вопросы, сомнения... Заставивший молодежь будто новыми глазами взглянуть на свой театр — как на доброго друга и наставника, он стал в представлении зрителей своеобразным эталоном. И от других работ ТЮЗа требовали того же: чтоб они задевали, будоражили мысль, вызвали желание спорить. Но ни одна постановка минувшего сезона так и не поднялась в этом отношении до уровня «Они и мы».

Вот, скажем, то же пьеса о школе — «Мужчина в 17 лет». Конечно, это другой жанр («совершенно серьезная комедия», как определяет сам автор). От нее трудно требовать открытой публицистичности пьесы-диспута Н. Долиной «Они и мы». И все же произведение И. Дворецкого давало, на мой взгляд, повод для создания современного, по-настоящему актуального спектакля о поисках смысла жизни, о том, кем быть и каким быть...

В нашем ТЮЗе спектакль вышел милым, симпатичным, с приятными танцами песенками. Запоминался Миша Козлов — А. Корней — озорной, увлекающийся, но-малышески непосредственный. Можно назвать еще одну-две интересные актерские работы... Но главное, во имя чего написана пьеса, если и прозвучало в постановке, то, по-моему, чересчур робко. Не было у этих семнадцатилетних героев (кроме, пожалуй, «Козлика») ни молодой энергии, ни юношеской настойчивости и горячности в отстаивании доводов до истины. Язвительно бросались в глаза подчеркнутая многозначительность, расплывчатость из убеждений и нравственных принципов. А очень важные в пьесе раздумья героев о выборе пути, о ценности человека, это Варинно — «хочется что-то значить в жизни» — не доходило до зрителя, протопарывалось словно мимоходом.

Здесь нет возможности остановиться на каждом спектакле. И социальная сказка «Недотрога», и остроумная, злая комедия «Пузырьки», и шварцовские «Два клепа», и «Иван Рыбаков» В. Гусева, и фантастическая комедия Л. Книна «Что было завтра», и веселая легкая «Покотуха» — все эти названия с полным правом занимают место на афише ТЮЗа. Против любой из перечисленных пьес трудно что-нибудь возразить. И все-таки вряд ли эти спектакли ос-

тавят в душе зрителя заметный след. Часто мы не чувствуем взволнованности, личной заинтересованности театра теми проблемами, которые ставит драматург.

И в прошлом году, в конце сезона, мы писали примерно о том же — что КПД многих тюзовских постановок невелик, что театр забывает о сверхзадаче своих спектаклей — пробудить в каждом юном зрителе гражданина, научить его самостоятельно мыслить. По-прежнему не звучит на сцене ТЮЗа в полный голос героическая тема.

А юных зрителей и сейчас, как и много лет назад, волнует героика и романтика. Разве не подтверждение этому — популярность фильма «Неуловимые мстители» или спектакля «Моло-

дой гонке спектаклей, которая стала нормой в нашем ТЮЗе.

Начало сезона. Вышла «Недотрога» — играется каждый день. Премьера «Пузырьков» — и этот спектакль тоже идет каждый день, да не по одному разу, а потом «Мужчина в 17 лет», «Покотуха», «Иван Рыбаков»... На недельной афише ТЮЗа редко встретишь даже два названия. Спектакль «Что было завтра» полтора месяца шел дважды в день (уже и начало стали назначать, словно сеансы в кино: 20-го, например, апреля — 10-30, 14-30).

Я встречалась с молодыми актерами театра, которые заняты почти во всем репертуаре, на счету которых не одна интересная работа. Но и они говорят о творческой неудовлетворенности:

«Идешь в театр не как на праздник, а как на однообразную утомительную службу. И вместо священного трепета перед выходом на сцену — только усталость и раздражение. Потому что будь хоть разлюбимая роль, но если играешь ее по два раза в день месяц подряд, — как станешь к ней относиться? Остается ремесло — искусство уже убито. И так думают люди, не мыслящие

без театра своей жизни, которые даже при постоянной работе «на износ», что называется, выкладываются до конца. Но в общем-то о каком волнении, внутренней наполненности актера на таком вот заигранном спектакле может идти речь? А ведь для зрителей он всегда первый, единственный. Что вынесет он из театра, что западет ему в душу?

Одни постановки эксплуатируются до полного обветшания, других барнаульцы вообще не видели: «Дневник Анны Франк», например, прошел только один раз на гастролях, «Иглу и штык» показывали год назад лишь на так называемой сдаче... А у актеров нет перспективы, они не знают, что будут играть завтра. Они мучаются без интересной работы, без хороших ролей, хотя за полтора месяца до конца этого сезона можно было подготовить еще один спектакль. Но главный режиссер считал, видимо, что в ТЮЗе все благополучно, если взялся в это время за постановку в краевом драматическом театре...

Уход среди сезона трех-четырех актеров — тревожный сигнал. Но когда уезжают один за другим 18 человек — это уже чрезвычайное происшествие. Традиционный вопрос — куда смотрело управление культуры? Да вроде не оставалось безучастным. Вызывали периодически директора, главного режиссера, крупно разговаривали... В самом театре многие уже не верят, будто что-нибудь может измениться: ведь о бесплановости, отсутствии учебы, о недостатках в репертуарной политике не раз шла речь и на профсоюзном, и на открытом партийном собраниях, и на художественном совете.

К сожалению, в художественном совете театра нет никого из горкома комсомола, поэтому с истинным положением дел там просто-напросто не были знакомы. Еще несколько месяцев назад планировали вынести на бюро вопрос о работе комсомольской организации ТЮЗа, но пока собиравшись, раскислились — сезон закончился. А если бы горком вовремя познакомился с творческой обстановкой в коллективе, с условиями труда молодых актеров, встал на защиту их интересов — кто знает, может, и не было бы этой цифры — 18. Теперь, конечно, уже трудно что-нибудь изменить, но печальный итог сезона в ТЮЗе должен послужить хорошим уроком на будущее.

...Вместе с крайкомом ВЛКСМ отделение Всесоюзного театрального общества провело этой весной отчет театральной молодежи, который закончился торжественным вечером и концертом. «Именинникам» говорили много теплых слов, вручали подарки. Если б к молодым актерам были так же внимательны не только в праздники, но и в будни...

З. РЫМАРЕНКО.

1. « МЕ Ч Т А О МЕХАНИЧЕСКОЙ ЗАМЕНЕ... »

дая гвардия», который прошел в Киевском ТЮЗе 130 раз. С успехом идет на сценах Одессы и Ленинграда «Девятая симфония» — о подвиге Николая Островского...

Можно допустить, что наш ТЮЗ не удовлетворяют эти произведения. Но не находя готовых пьес, отвечающих гражданским устремлениям театра, другие коллективы сами пишут их, сочиняют собственные композиции. Так появился поэтический спектакль красноярского ТЮЗа «Про нас», построенный из стихов и прозы местных литераторов. Но вместе искать и находить нужную пьесу может только коллектив единомышленников. В нашем ТЮЗе такого нет, ведь еще до конца сезона из театра ушли 18(!) актеров — половина творческого состава.

Да, очевидно, не каждый из этих 18 — большая потеря для театра. Но, во-первых, зачем было приглашать людей малоодаренных? Во-вторых, если у кого-то из выпускников училищ не хватало опыта, то где, как не в профессиональном театре, они могли его получить? И разве мы не цитируем постоянно слова основателя Ленинградского ТЮЗа А. А. Брянцева о том, что в театре для детей должны объединяться «художники сцены, умеющие мыслить, как ПЕДАГОГИ...».

Для любого режиссера, а тем более тюзовского, воспитание труппы — дело не менее ответственное, чем выпуск спектаклей. Как важно вовремя не пустить молодого актера на уже проторенную им дорожку, не толкнуть на штампы, а помочь его дарованию крепнуть, открываться все в новом свете. К сожалению, у нас в ТЮЗе частенько случается иначе.

Мы помним первые удача на барнаульской сцене В. Лясецкого. Несколько лет назад он сыграл Антона Шелестова и сразу же стал любимцем публики. Потом одну за другой ему стали даваться роли, которые точно ложились на его человеческую и актерскую индивидуальность: Толик Павлов («Они и мы»), Саша («Мужчина в 17 лет»). Лясецкий стал повторяться и видимо сам остро почувствовал это. Во всяком случае недавно он тоже уехал из Барнаула. И разве уход этого способного молодого актера так уж безразличен для театра? А отъезд Е. Рубиной, Н. Книдиной, В. Новикова?

Вспомните знаменитую Скрипичину Лены Рубиной в «Пузырьках» или ее симпатичную Старушку-Бабочку в «Покотухе»? Очень интересно играл Н. Книдин в спектакле «Игла и штык»...

Давайте не будем говорить — «незаменимых нет». Лучше повторим вместе с Леонидом Мартыновым: «Нет! Заменимых нет! Мечта о механической замене, не более чем недоразумение, и каждый человек неповторим». И хороший актер — тоже. А чтоб ему радостно было работать в театре, он должен, кроме всего прочего, чувствовать, что им дорожат, что его способности ценят. Но трудно даже говорить о бережном отношении к актеру при той безудерж-